повестей навеян личностью пушкинской «кометы» — А. Ф. Закревской. Доказательством этому может служить не только образ Закревской, обрисованный сходными чертами в других произведениях поэта и в его письмах к ней, на что многократно указывалось в научной литературе (см., например [3, т. 4, с. 762—763]); но и начатое, но недописанное Пушкиным в автографе повести имя ее: «За(кревская)», истолкованное ошибочно в Большом академическом издании как «*намеченное изменение фамилии*: Завольская» [1, т. 8(2), с. 537].

Ю. Г. Оксман верно заметил, что повесть Пушкина «Гости съезжались на дачу» в известной мере ассоциативно связана с поэмой Баратынского «Бал» (1827—1828) [3, т. 4, с. 762]. Как известно, Пушкин весьма высоко оценил эту поэму Баратынского. В 1828 г. «Бал» был издан в одной книжке с поэмой Пушкина «Граф Нулин». И тем не менее несомненно, что хотя повесть «Гости съезжались на дачу» и уже ее первоначальный план во многом близки по своей сюжетной схеме к поэме Баратынского, они все же скорее полемичны по отношению к ней (хотя, возможно, Пушкин в полном виде узнал эту поэму позднее, чем повесть вышла из-под его пера), чем повторяют ее. У Баратынского оба главных его героя — княгиня Нина и Арсений — даны вне истории их душевного развития. Хотя в поэме говорится и об их прошлом, но прошлое это психологически не связано с настоящим. К тому же, хотя Баратынский выводит фигуры Нины и Арсения на фоне жизни светской Москвы и при этом не избегает сатирических моментов при беглой обрисовке ее характеров и типов, сами герои его противостоят своему окружению как особые, страстные, демонические натуры, подвластные року, а не законам жизни своей среды. Пушкин же и в плане повести о «светском человеке», и в своей повести возвращает героев из сферы романтической поэзии в сферу реальной жизни, не скупясь при этом на многочисленные бытовые и психологические приметы жизни петербургского высшего общества 20—30-х годов с его привычными ценностями и господствующими в нем моральными нормами.

В черновике повести поэт полемически откликается также и на журнальные и светские толки о самом себе: «Мне хотелось бы влюбиться в П.(ушкина), сказала Вольская.— Какой вздор, возразил Минский.— П.(ушкин) есть в свете такое же дурное подр(ажание), (как) в своих стихах лорду Байрону. Что вам кажется в нем оригинальным (—) ничтожно, как довольно посредственное подражание» [1, т. 8(2), с. 552; 3, т. 4, с. 815]. Так умный, но эгоистичный Минский оказывается антиподом поэта, а также и его соперником, стремящимся, несмотря на свою холодность, овладеть сердцем героини, убрав с дороги других возможных претендентов на ее чувство. Упоминается во фрагменте повести (без указания имени) и Н. И. Гнедич [1, т. 8(1), с. 37; 4, т. 6, с. 789].

М. И. Гиллельсон обратил внимание на то, что в «Египетских ночах» Пушкин «мельком вывел молодого человека, недавно вернувшегося из путешествия, „бредя о Флоренции“». Гиллельсон отождествил его с упоминаемым Д. Фикельмон В. В. Сабуровым (1805—1870), о котором Фикельмон записала в дневнике 20 октября 1832 г., что он недавно вернулся из Италии, очарованный ею [9, с. 16]. Однако уже в повести «Гости съезжались на дачу», т. е. в 1828 г., Минский на другое заявление Зинаиды: «Мне хотелось бы влюбиться в Р.» — отвечает: «Какой вздор... Охота вам связываться с человеком, который красит волоса и каждые 5 минут повторяет с упоением: „Quand j'étais à Florence“» [1, т. 8(1), с. 40; 1, т. 8(2), с. 553]. Это делает догадку Гиллельсона маловероятной. Скорее всего, в наброске «Гости съезжались на дачу» и в «Египетских ночах» имеется в виду одно и то же лицо, которым не мог быть Сабуров.

Оставляя в стороне вопрос о других упоминаемых во фрагменте «Гости съезжались на дачу» второстепенных персонажах (который предстоит разрешить при подготовке его для нового академического Полного собрания сочинений Пушкина), можно высказать в достаточной мере очевидное предположение, что под его героем Минским (имя которого восходит к повести М. П. Погодина «Русая коса», 1827) и героем фрагмента «На углу маленькой площади» автор